

Идеи конституционализма, парламентаризма, многопартийности — фундамент для построения демократического государства в России

За двадцать лет с момента провозглашения России демократическим правовым государством здание демократии так и не было построено в нашей стране. Возведенные же его фрагменты не имеют четкой структуры, т.к. отсутствует внятный стратегический план становления демократии в России.

Почему так быстро рухнуло здание советской демократии? Да потому, что были разрушены основные его опоры — идеологический фундамент, построенный на учении К. Маркса и Ф. Энгельса. Почему наше современное общество нестабильно? Потому что в нем отсутствует преемственность в развитии демократических институтов, и под современным зданием государства не выстроен прочный фундамент, основанный на основных конституционных принципах: народовластия, конституционализма, парламентаризма, многопартийности, всеобщности и альтернативности выборов. Все эти принципы взаимосвязаны и, по сути, служат теоретической основой становления демократии в России. Принципы — это устойчивые, проверенные временем, апробированные на опыте других стран и воспринятые обществом идеи. Идеи были порождены выдающимися отечественными и зарубежными учеными, которые с научных позиций оценивали существующие общественно-политические отношения, используя рациональный методологический инструментарий, формулировали базовый понятийно-категориальный аппарат и, возвышаясь от конкретного к абстрактному, переходили на высший теоретический уровень познания. Те идеи, которые опирались на прочную научную базу, пережили своих авторов, превратились в классические теории и актуальны во все времена. Еще одно условие живучести учений заключается в восприятии их практикой, т.е. в их внедрении в благоприятную среду, подготовленную историческими, социально-экономическими предпосылками и достаточным развитым уровнем общественного сознания.

Впервые более или менее благодатная почва для взращивания указанных принципов конституционализма, парламентаризма, многопартийности в условиях российской общественно-политической жизни сложилась в начале XX в. В это время идеи, порожденные мировой политико-правовой мыслью, синтезируются и приспособляются к российской действительности. Актуально и для революционных событий начала XX в., и для периода политического кризиса 1993 г. звучат слова современного конституционалиста Б.С. Эбзеева, который заметил, что «возрожденный российский конституционализм, однако, не ставя под сомнение институты народного представительства, пошел по пути, проторенному адептами разделения властей, и адаптировал его к потребностям России»¹.

Современная юридическая наука, опираясь на те идеи, которые уже были выработаны человечеством, и в частности, взгляды классиков отечественной по-

литико-правовой мысли конца XIX–начала XX вв., раскрывает содержание конституционализма и его характерные признаки. Конституционализм в трудах современных исследователей С.А. Авакьяна, Н.А. Богдановой, Н.В. Витрука, В.Т. Кабышева, И.А. Кравец, О.Е. Кутафина, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина и др. рассматривается в нескольких значениях — как конституционно-правовая культура, доктрина и идеология; наличие конституции и иных нормативных актов конституционного значения, соотношение конституции и реальной действительности, гарантирование, охрана и защита конституции². Проанализировав взгляды отечественных юристов, Ж.Д. Джангирян делает вывод о том, что конституционализм — это «идеал, идеология о правовом, социальном, демократическом государстве, где будут властвовать право, социальная и юридическая справедливость, где государство не только признает человека, его достоинство, основные права и свободы высшей ценностью, но и будет нести ответственность за их реализацию путем установления соответствующих правовых, социальных, экономических, политических гарантий их воплощения в действительность»³. Он правильно подметил, что конституционализм воплощается только в конституционном государстве.

Понятие и признаки конституционного государства впервые подробно были разработаны российскими юристами начала XX в. Так, Ф.Ф. Кокошкин считал, что «конституционное государство есть практическое осуществление идеи правового государства», которое связано правом, подчиняется ему. Подчинение государства праву обеспечивается совокупностью гарантий, которые образуют конституцию. «Государство, подчинение которого праву гарантировано, есть конституционное государство»⁴. Кокошкин выделяет две характерные особенности конституционного государства: 1) участие народа или народных представителей в законодательстве и 2) разделение властей. «Эти две основные гарантии правомерности государственной власти составляют конституционный принцип» и основу конституционного строя⁵. Характеризуя конституционное государство, ученый фактически отождествляет его с парламентарным порядком управления.

Положение о конституционном государстве как воплощении правового не оспаривалось и С.А. Котляревским, который категорически выступал против их отождествления. По его мнению, «юридически конституционным нужно признать всякое государство, где народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, т.е. где законом в формальном смысле признается лишь акт, изданный с согласия народного представительства»⁶. В конституционном государстве обеспечивается верховенство закона среди других актов государственной власти, и общность закона для всех обосновывает равенство перед ним. Исходя из норм «Основных государственных законов» 1906 г., считавшихся царской конституцией, Россия, по мнению Котляревского, подходила под юридически точное определение конституционного государства.

Итак, конституционное государство является, прежде всего, представительным государством, в котором представитель народа получает свои полномочия от конституции, а избиратель выполняет функцию, также возложенную на него государственным порядком, выраженным в основном законе. Эта функция и есть

избирательное право граждан, защищаемое в судебном и административном порядке. Выборы — это главное условие представительной формы правления. Соблюдение гражданами права голоса является одним из условий, обеспечивающих за парламентом способность авторитетно выражать общественное мнение, иначе деятельность парламента будет неправомерной. Отношения между избирателем и депутатом Котляревский называет солидарностью, которая, по сути, является внешней формой выражения солидарности между гражданином и законом. Конституционные государства он делит на два вида: парламентарные и дуалистические в зависимости от наличия или отсутствия в них политической ответственности министров⁷.

Опираясь на теоретико-правовое наследие отечественной юридической науки, можно утверждать, что демократия немыслима без таких основных принципов, как конституционализм, парламентаризм, многопартийность. Причем они настолько взаимосвязаны, что невозможно их рассматривать по отдельности. Трансформация государственного устройства, развитие многопартийной системы и парламентских учреждений как результатов политической зрелости гражданского общества вызывают потребность в учреждении конституции, законодательно закрепляющей имеющиеся политико-правовые отношения и устанавливающей правила и порядок взаимоотношений личности, общества и государства.

Видный ученый начала XX в. А.А. Алексеев показал, как парламентаризм из фактического состояния переходит в правовое, становится правовым институтом⁸. Он находит свое закрепление в нормах конституции.

Фундаментальность трудов российских государствоведов начала XX в. состоит в том, что они сумели понять и раскрыть сущность основополагающих принципов демократического государства: народного представительства, парламентаризма, многопартийности. Они разработали понятийно-категориальный аппарат, который сам по себе имел методологическое значение для процесса познания форм правления государства, государственно-правовых режимов, конституционного и правового государства.

Анализ работ дореволюционных мыслителей позволяет выделить три основных понятия парламентаризма. Первое понятие сформулировали М.М. Ковалевский, А.А. Жилин и другие авторы, которые трактовали парламентаризм как режим, при котором правительство формируется из членов политической партии или коалиции партий, имеющих большинство в парламенте, и ответственно перед ним. Согласно этой концепции, законодательная власть явно возвышается над исполнительной. Данная трактовка была характерна для начального периода становления теории и практики парламентаризма, в котором явное доминирующее значение придавалось парламенту «в строе отношений между законодательной и правительственной властями». Шарль Луи Монтескье называл такое неравенство ветвей власти «парламентской тиранией», другие характеризовали доминирующую роль парламента как «парламентский абсолютизм» и т.п.⁹

Второе понятие парламентаризма можно выявить на основе исследования взглядов А.А. Алексеева, который парламентскую форму правления представлял

как систему взаимоотношений между министерствами и парламентом, построенную на теории разделения властей, но вместе с тем отклоняющуюся от нее в одном аспекте, а именно: правительство не только независимо в своей деятельности от партий и законодательного органа власти, но даже стоит выше него в силу его беспартийности и воплощения в нем идеи государства¹⁰.

Третье понятие было обосновано С.А. Котляревским и Ф.Ф. Кокошкиным, считавшими, что суть парламентаризма состоит в идее солидарности правительства и представительства, т.е. органов, которые «признаются авторитетными выразителями народного мнения»¹¹. Положительно оценивая в целом систему парламентаризма, Котляревский считает, что только «при парламентаризме достигается наибольшее участие народного представительства в исполнительной власти и наибольшая гармония этой власти с законодательной. Поэтому при парламентарном строе политическое самоопределение власти осуществляется полнее, чем при внепарламентарном — конституционном, где управление идет сверху»¹².

Многие ученые-юристы считали, что парламентаризм хорошо действует при условиях значительного политического развития широких слоев населения и существования немногих хорошо организованных, крупных политических партий. Котляревский убедительно доказал, что неверно понимать парламентаризм лишь как господство политических партий. «Парламентаризм предполагает солидарность правительства не с партиями, а с представительством, которое, конечно, и в парламентарных, и в непарламентарных странах разделяется по партиям; но само представительство в современном парламентаризме рассматривается как авторитетное выражение народного мнения, а вовсе не как привилегированная и безответственная корпорация; поэтому от него можно апеллировать к избирателям». «Сам по себе парламентаризм вовсе не предполагает какой-то гипертрофии партийности: господство безответственных партий противоположно его основному принципу»¹³.

Согласно взглядам выдающегося юриста Б.Н. Чичерина, многопартийность — бесспорное благо, источник развития политической жизни. Смена партий в правительстве имеет как положительные, так и негативные последствия, т.к. в результате на место способных лиц в систему управления могут прийти люди неподготовленные, нарушится преемственность правительственного курса, который может стать совершенно противоположным. Поэтому Чичерин считал, что «даже при народном представительстве в парламентском правлении, где партии сменяют друг друга в обладании властью, необходимо монархическое начало, умеряющее интересы меньшинства. Чем сильнее раздражение партий, чем далее они расходятся по своим убеждениям, чем существеннее вопросы, их разделяющие, тем крепче должна быть эта высшая, сдерживающая и соединяющая власть»¹⁴.

Чичерин высоко оценивал роль политических партий в государстве с представительной формой правления, он писал, что на «духе партии» «основан весь механизм представительных учреждений». Мыслитель высказывается за то, «чтобы партии могли действовать свободно, и чтобы они выражались в представительстве именно так, как они существуют в народе». Он выступает за всеобщее прямое избирательное право против двухстепенных выборов, когда первоначально

избиратели выбирают выборщиков, которые, в свою очередь, избирают представителей¹⁵.

Вполне современно звучат слова Чичерина о том, что «парламентское правление служит признаком политической зрелости народа»¹⁶, что «парламент нужен еще более для политического воспитания народа, нежели для государственного управления». Также большее значение он имеет для политических партий, которые только при парламентском устройстве могут приобрести надлежащую организацию и дисциплину¹⁷.

В передовых демократических странах, где сам народ принимает непосредственное участие в государственной жизни страны, члены правительства могут принадлежать к различным политическим партиям и являться простыми исполнителями велений народа, а не руководителями его судеб. В результате могут формироваться коалиционные министерства на основе образования новых партий. Согласно А.А. Алексееву, парламентаризм представляет собой партийное правительство, и «чем более резко очерчены парламентские партии и чем лучше они организованы, тем успешнее движется эта политическая машина»¹⁸. Ученый выводит логическое требование однородного состава кабинета, т.е. состоящего из представителей одной или родственных партий, чтобы все его члены были бы связаны солидарностью политической мысли и действий.

Актуально сегодня звучат слова К.Н. Соколова: «Только такое государство, в котором правительство считает себя обязанным следовать в своей политической программе указаниям нижней палаты парламента, в котором противоположный образ действий правительства воспринимается населением как нарушение конституции, есть парламентарное государство. Только парламентаризм способен удовлетворить политические потребности страны, тяготеющей к демократическому укладу государственного быта»¹⁹.

Исходя из знания фундаментальных принципов формирования демократического государства, которые были рассмотрены в статье, можно утверждать, что в современной России существует огромная дистанция между властью и народом, народ в стране является не носителем суверенитета, а средством для реализации целей находящейся у власти правящей элиты. Народ фактически бесправен, т.к. он не может защитить себя в случае нарушения его коллективных прав. Отсутствует «действенная обратная связь между народом и избранными им представителями»²⁰, которые принимают законы, порой ущемляющие права граждан. Народ не имеет права отозвать своих представителей из законодательных органов власти, привлечь их к ответственности. Народные же митинги «воспринимаются руководством страны с явным пренебрежением»²¹, и сам народ из-за чувства страха и апатии почти не использует такие радиальные меры противодействия власти и выражения своего мнения, как демонстрации, митинги, шествия, пикетирования.

Отсутствует такая важная составляющая часть демократического режима, как наличие ответственного правительства и ответственность отдельных представителей исполнительной власти. В результате бесконтрольность деятельности чиновников приводит к их произволу. А поскольку все уровни и ветви публичной власти объединены в единую систему, связаны друг с другом через единый центр

власти, которым является Президент РФ, то главным адресатом обращения народа для решения различных проблем является глава государства, о чем свидетельствуют встречи, пресс-конференции и другие формы общения Президента с россиянами. В результате складывается особый тип политического режима, который в научной литературе получил название «президентская модель управляемой демократии»²², или «режим ручного управления». В преодолении антагонизма между государством и обществом, в диалоге между властью и народом многие современные ученые видят секрет российского выживания и российского прогресса. За последние двадцать лет становления нового демократического государства значительно выросло общественное сознание. Общество активно заявляет о своих правах, четко их формулирует, используя различные средства для этого: политические партии, общественные объединения, протестные акции, но самым главным его оружием, защищающим его от произвола, является Конституция РФ, в частности, ее раздел, посвященный правам и свободам граждан. А для того чтобы Конституция не превратилась в икону, отгоняющую злых духов, она должна соблюдаться всеми, быть «живым», действующим документом и сослужить обществу добрую службу²³.

Ерыгина В.И.,

*доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»,
кандидат исторических наук, доцент*

¹ Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России : моногр. / Б.С. Эбзеев. М., 2013. С. 23.

² Конституционное право Российской Федерации : учеб. / под общ. ред. Н.В. Витрука. М., 2010. С. 152–153.

³ Джангириян Ж.Д. Легитимная государственная власть как гарант конституционализма / Ж.Д. Джангириян // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 6.

⁴ Лекции по общему государственному праву // Кокошкин Ф.Ф. Избранное / Ф.Ф. Кокошкин ; [сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М., 2010. С. 294.

⁵ То же. С. 296.

⁶ Власть и право // Котляревский С.А. Избранные труды / С.А. Котляревский ; [сост., авт. вступ. ст., коммент. К.А. Соловьев]. М., 2010. С. 460.

⁷ То же. С. 526.

⁸ Алексеев А.А. К учению о парламентаризме : из «Журн. М-ва юстиции» (апр.–май 1908 г.) / А.А. Алексеев. СПб., 1908. С. 92–94.

⁹ Назарова И.С. Система народного представительства как отражение сущности избирательной системы / И.С. Назарова // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 49.

¹⁰ Алексеев А.А. Министерская власть в конституционном государстве : ее основы, роли и соврем. положение / А.А. Алексеев. Харьков : тип. и литогр. М. Зильберберг и сыновья, 1910. С. 41.

¹¹ Котляревский С.А. Власть и право : проблема правового государства / С.А. Котляревский. М., 1915. С. 15.

¹² Котляревский С.А. Конституционное государство / С.А. Котляревский. М., 2004. С. 141–142.

¹³ Власть и право // Котляревский С.А. Избранные труды. С. 531.

¹⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. М., 1899. С. 123.

¹⁵ Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин. СПб., 2005. С. 219.

¹⁶ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С. 255.

¹⁷ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. С. 716–717.

¹⁸ Алексеев А.А. К учению о парламентаризме... С. 27.

¹⁹ Соколов К.Н. Парламентаризм : опыт правовой теории парламентар. строя / К.Н. Соколов. СПб., 1912. С. 431–432.

²⁰ Черепанов В.А. Власть народа: миф или реальность? / В.А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 52.

²¹ То же.

²² То же. С. 52–53.

²³ Лукьянова Е.А. Общество и государство в России — диагностика состояния глазами конституционалиста / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 21.